

Людмила Шарга

Мимолетные стихи

Мимолетные стихи

Что бы кто ни говорил там,
но Господь меня простил,
этих улиц лабиринты
на ладонях расчертив.
Я хожу по ним, вздыхая, –
просто кругом голова –
и становятся стихами
эта палая листва,
это дышащее море,
эти стылые пески,
и поющие зимою
песни юга маяки:
«За морями-берегами
есть такие острова...»
Но становятся стихами
мимолетные слова,
что летят легко и мимо
откровеньем новых книг.
Я от них неотделима.
Я давно одно из них,
что летит себе, вздыхая,
среди словесной чепухи...
Я не прячусь за стихами,
я – и есть мои стихи.

* * *

Мимо привокзальной площади
в свиденьях не ходи,
там летят гнедые лошади,
там гуляет только дождь один,
днем и ночью –
дождь один.

Мимо всех путей несбывшихся,
что манили далеко,
где и дышится, и пишется,
и не пишется легко.

Скажешь, что вокзал тот вымышлен,
что пути манят – в мечтах,
для одних вокзалы – финиши,
для других вокзалы – старт.

Но когда мечты оставишь ты,
снисхожденья не проси
и кати,
кати свой камешек,
обреченно – как Сизиф.

Мимо снов, в которых лошади
мчат, сминая сон-траву,
мимо привокзальной площади,
мимо жизни...
наяву.

Журавлиное

Что в нас журавлиного, друг мой...
Почему зовет нас берег дальний?
Тесен ли уклад патриархальный,
холодно ль в провинциях зимой?

Стынут журавлиные сердца,
жаждут перелетов-переездов,
и весной в городок уездный,
где вскипает зелень у крыльца,
души журавлиные спешат,
подлечить открывшиеся раны,
в домик, где цветущею геранью
горницу любили украшать.
Оттого и тянет по весне
к этим перелетам-переездам...
Расцветает в городке уездном
старый журавельник на окне.

Абрикосовые косточки

Скорый поезд далеко стучит,
море дышит глубоко...
Абрикосовые косточки
мы кололи вечерком.

На песке валялись рядышком
в *черепаховых* очках,
абрикосовые ядрышки
зажимая в кулачках.

Были сплошь исповедальными
наши взгляды и слова,
и от запаха миндального
чуть кружилась голова.

Невзначай сползала кофточка
с обгоревшего плеча...
Абрикосовые косточки,
как положено – горчат.

И летели, плыли, ехали –
абрикосовые дни,
но поспевшими орехами
нас сентябрь соблазнил.

И глядят глаза раскосые
из окон чужой судьбы.
Было лето абрикосово,
были дали голубы.

Скорый поезд далеко стучит,
кролик спит в своей норе,
абрикосовые косточки
дети колют во дворе.

Утренняя повесть

Читаю пригородный поезд,
как будто – утреннюю повесть,
листаю личики и лица
и чай, и булочки с корицей.
В ней все – от корки и до корки,
едва ли доберусь до сути,
но осознание будет горьким –
как подobaет книге судеб.

В ней ветхим кружевом застелен
изгиб старинного комода,
и тонкий запах иммортелей,
что все сильнее год от года,
и летний полдень тих и ласков,
и я...
Да полно,
я ли это?

Стрекоз неистовая пляска.
Июль.
Жара.
Макушка лета.
И дальний пруд, заросший тиной,
и близкий взгляд, былем поросший,
и капли солнца в паутине,
и тополиная пороша...
Но обрывается внезапно
любой сюжет на этом свете,
и остается тонкий запах
неувядающих соцветий.

Все дальше поезд змейкой узкой,
все ближе туча грозовая...
А иммортели я по-русски
бессмертниками называю.

